

В ОЕННЫЕ 1943
М ЕМУАРЫ 1945

Отто Скорцени

СЕКРЕТНЫЕ
ЗАДАНИЯ

Военные мемуары (Вече)

Отто Скорцени
Секретные задания

«ВЕЧЕ»

1950

Скорцени О.

Секретные задания / О. Скорцени — «ВЕЧЕ», 1950 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-8000-3

В ваших руках книга самого известного диверсанта Второй мировой войны – Отто Скорцени. В своих воспоминаниях он рассказывает о тонкостях тайной войны и становлении немецких диверсантов. Читатель узнает о громких спецоперациях диверсантов СС в 1943–1945 гг.: как был освобожден Бенито Муссолини, как немцы нейтрализовали Миклоша Хорти? Как и все разведчики, Скорцени часто кривит душой или замалчивает те или иные детали операций и, конечно, старается показать себя примерным солдатом, но даже в таком виде его воспоминания представляют большой интерес для всех любителей военной истории.

ISBN 978-5-4484-8000-3

© Скорцени О., 1950

© ВЕЧЕ, 1950

Содержание

Вместо предисловия	6
Рождение диверсантов	10
Я учусь	14
Наши английские «друзья»	16
Встреча с Канарисом	19
Рождение грандиозного плана и его похороны	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Отто Скорцени

Секретные задания

© Непомнящий Н.Н., перевод на русский язык, 2019

© Семенов К.К., предисловие, послесловие, 2019

© ООО «Издательство «Вече», 201

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Вместо предисловия

Отто Скорцени родился 12 июня 1908 года в Вене в семье архитектора Антона (1867–1942) и Флоры Скорцени (урожденная Зигер, 1875–1970). Свою фамилию предки Скорцени получили от Скорценского озера в Познаньском воеводстве. Позже из Польши они переехали в город Егер (чешский город в Австро-Венгрии).

Окончив народную школу, в 1919 году Отто поступил в гимназию. Юный Скорцени активно занимался спортом – легкой атлетикой, лыжами, футболом. Позже он увлекся плаванием на каяке по Дунаю.

В 1926 году Отто был зачислен в Высшую техническую школу в Вене, ранее ее закончил и его брат Альфред (1900–1970). В технической школе, как и в других университетах Австрии и Германии, существовал свой студенческий союз-братство, т. н. бурш – *Schlagende Burschenschaft Markomannia* – фехтующее братство Маркоманнии.

Братства славились своими традициями, в том числе и совсем не мирными. Среди их участников были популярны дуэли, поэтому все братства подразделялись на фехтующие и нефехтующие, к последним относились в основном религиозные братства. Нередко дуэли возникали из-за сущих пустяков, но длились до первой крови. Лицо, не принявшее вызова, исключалось из братства.

В свой бурш Скорцени был принят в 1927 году. Члены Маркоманнии имели свою униформу – круглые белые шапочки (*Studentenmütze*) и черно-желто-белые (цвета старой Австро-Венгрии) шарфы (*Fuchsenband*), носившиеся через плечо.

За свою студенческую жизнь Отто Скорцени 14 раз сражался на дуэлях. Его лицо навсегда сохранило память о них – левая сторона была изуродована рапирами противников. После войны журналисты даже прозвали Скорцени «искромсанный».

Получив диплом, Скорцени столкнулся с проблемой трудоустройства. Ему с трудом удалось получить скромную должность инженера. Однако вскоре ему повезло, возможно, с помощью соратников по политической деятельности, ему удалось получить должность директора строительной фирмы. Фирма имела свое ноу-хау – изготовление строительных лесов с помощью креплений на болтах. Дела молодого инженера пошли в гору.

1 мая 1932 года Отто Скорцени вступил в НСДАП, он получил партийный билет за № 1 083 671. В феврале 1934 года Скорцени вступил в охранные отряды НСДАП – зловещие СС. На территории Австрии эта организация была также запрещена, как структурное подразделение нацистской партии. Скорцени был зачислен в 89-й пехотный штандарт (полк) СС, дислоцировавшийся в Вене и состоявший из наиболее радикально настроенных молодых нацистов. В СС он значился под порядковым № 295 979.

В мае 1934 года Отто Скорцени женился на 19-летней Маргарит (Грета) Шрейбер, с которой он был знаком уже 4 года. После венчания молодожены отправились в свадебное путешествие в Италию.

11 февраля 1938 года Гитлер вызвал в Берхтесгаден канцлера Австрии Курта фон Шушнига. Гитлер потребовал от фон Шушнига освободить всех австрийских национал-социалистов и назначить австрийского нациста Артура Зейсс-Инкварта министром внутренних дел. Шушниг понимал, что за этими требованиями последуют и другие, но, желая выиграть время, выполнил их. Обстановка продолжала накаляться. 24 февраля он решил пойти ва-банк и объявил о проведении 13 марта 1938 года плебисцита о независимости Австрии. Это вызвало гнев Гитлера и ускорило присоединение (т. н. аншлюс) Австрии. 10 марта 1938 года Шушниг объявил мобилизацию призывников, а 11 марта Гитлер потребовал от него отмены плебисцита, роспуска существовавшего правительства и создания нового правительства во главе с Зейсс-Инквартом. В 20.00 Зейсс-Инкварт призвал полицию и национал-социалистические

силы обеспечить порядок. Нацисты, и в их числе Скорцени, начали захват стратегически важных пунктов в Вене. А уже на рассвете 12 марта немецкая армия перешла границу Австрии. Гитлер объявил о воссоединении Австрии и Германии.

Уже вечером 12 марта 1938 года судьба дала Скорцени шанс войти в историю. Он получил задание обеспечить порядок в президентском дворце и пресечь возможные столкновения между представителями старой и новой власти. Во главе отряда из 89-го штандарта СС Скорцени прибыл в президентский дворец вслед за измученным президентом. Он сумел убедить президентскую охрану не оказывать ему сопротивления и велел запереть ворота дворца.

– Спокойствие, господа! – воскликнул Скорцени. – Господин президент, пожалуйста, выслушайте меня!

– Кто вы и чего хотите? – спросил президент Вильгельм Миклас.

– Разрешите представиться – инженер Скорцени. – ответил Скорцени. – Я являюсь посланцем федерального канцлера дабы защитить вас, господин президент. Могу ли я позволить канцлеру? Он засвидетельствует, что я нахожусь здесь по его поручению.

В это время к дворцу прибыли грузовики со штурмовиками из Флорисдорфа, собиравшимися взять охрану президента на себя. Скорцени успокоил охранников, президента и штурмовиков. В телефонном разговоре канцлер попросил Скорцени остаться во дворце на некоторое время и возглавить его охрану. Некоторое время затянулось на 3 дня и 3 ночи. 29-летний Скорцени уже думал, что он вошел в мировую историю с парадного входа, и надолго...

30 января 1939 года Скорцени был призван на службу в качестве пилота бомбардировочной авиации. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Скорцени в это время сдавал экзамены на лицензию пилота и был мобилизован летчиком в запасной полк связи люфтваффе (ВВС Германии) «Вена». Однако вскоре чиновники выяснили, что их новобранцу уже стукнул 31 год, и готовить летчика к полетам в таком возрасте было поздновато. Скорцени наотрез отказался служить в наземных частях люфтваффе и добился перевода в войска СС. 1 февраля 1940 года он был зачислен во 2-ю роту учебно-запасного батальона «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» кандидатом в унтер-фюреры (унтер-офицеры в войсках СС). Пройдя интенсивный 6-недельный курс подготовки в Берлине-Лихтерфельде, Скорцени был направлен для стажировки в запасной батальон штандарта СС¹ «Германия» в Гамбург-Лангехорн. В этом батальоне Скорцени выдержал экзамен на первый унтер-офицерский чин.

После учебки он был произведен в унтершарфюреры СС² и приписан к Главному оперативному управлению СС 1 мая 1940 года. Через пять дней он был определен в IV тяжелый дивизион артиллерийского полка дивизии СС «Тотенкопф». Вместе с дивизией Скорцени участвовал в боях в Бельгии, а затем и во Франции.

1 сентября 1940 года Скорцени был повышен до звания обершарфюрера СС, а уже 30 января 1941 года Отто Скорцени был произведен в первый офицерский чин – унтерштурмфюрера СС³ и определен во II дивизион артиллерийского полка дивизии СС «Рейх». Сама же дивизия продолжала находиться во Франции.

20 апреля 1941 года Отто Скорцени был произведен в следующий офицерский чин оберштурмфюрера СС. Закончилась Балканская кампания, и Скорцени отправился в отпуск.

В середине июня 1941 года части дивизии СС «Рейх» погрузились в эшелоны и двинулись на Восток. Ночью эшелон прибыл в Лемберг (Львов), началась выгрузка. 21 июня 1941 года дивизия «Рейх» была сосредоточена в 50 км от пограничной реки Буг. Вечером, в 22.00, на общем построении чинам дивизии был зачитан знаменитый приказ Гитлера, объявлявший

¹ Штандартом в войсках СС назывались полки. С начала 1941 года использование для полков СС названия штандарт было отменено.

² В СС существовала особая система званий. В данном случае звание эквивалентно младшему сержанту в российской армии.

³ Младший лейтенант в российской армии.

о грядущей войне с Россией. Скорцени был удовлетворен собой – он не ошибся в своих прогнозах. Дивизия «Рейх» находилась в рядах 2-й танковой группы Гейнца Гудериана, входившей в группу армий «Центр».

22 июня 1941 года в 3.15 утра орудия артиллерийского полка дивизии СС «Рейх» открыли огонь по советской территории. Скорцени и другие офицеры наблюдали за противоположным берегом в бинокли, плохая видимость осложняла наблюдение. Не прекращая огня, немцы продвигались все ближе и ближе к реке. В 5.00 Скорцени забрался с биноклем на отдельно стоящий дуб и стал рассматривать советскую сторону, а тем временем началась широкомасштабная переправа немецких частей. Советские части отошли в глубь своей территории и стали готовиться к встрече врага. Шли часы, в Брестской крепости не утихали бои. Дивизия «Рейх» начала переправляться на советскую сторону лишь 23 июня 1941 года. Гудериан держал дивизию во втором эшелоне, предполагая использовать ее в качестве ударного отряда. К 29 июня Скорцени и его сослуживцы добрались к Березине и подготовились ее форсировать. При наступлении выяснялось, что немецкие карты расходятся с действительностью, это привело к тому, что в штабе артиллерийского полка потеряли II дивизион гауптштурмфюрера СС Иоахима Румора. Скорцени, сам числившийся в этом дивизионе, был послан на поиск с 5 солдатами и компасом...

Целью группы армий «Центр» была Москва. Гудериан постоянно подгонял свои части. К середине июля дивизия «Рейх» вышла на рубеж Ельня – Дорогобуж. Бои на Ельнинском выступе сделали дивизию Скорцени знаменитой в немецкой армии. К концу июля дивизия «Рейх» отчаянно отбивалась от советских атак, закопавшись в землю. Дивизион, в котором служил человек со шрамами, оказался на юго-востоке немецких позиций. В своих воспоминаниях Скорцени назвал это время «адам Ельни». Наступательный порыв Красной армии изматывал немцев, волна контратак была непрерывной. В один из дней соседняя батарея гауптштурмфюрера СС Альберта Шойфеле замолчала после трех часов непрерывной стрельбы по наступающим. Прибыв на позиции Шойфеле, Скорцени застал его мертвецки пьяным – офицер не выдержал напряжения и запил. Скорцени возглавил батарею и распорядился открыть огонь. За бои под Ельней оберштурмфюрер СС Отто Скорцени был награжден первой боевой наградой – Железным крестом II класса (26.08.1941). Между тем потери в дивизии «Рейх» были настолько огромны, что 16 августа 1941 года в приказе по 24-й советской армии дивизия была названа уничтоженной.

В начале сентября 1941 года группа Гудериана была переориентирована на Киев. Однако уже в начале октября снова вернулась на московское направление для участия в операции «Тайфун» – захвате Москвы. Одну из глав своих послевоенных воспоминаний Скорцени даже назвал «Почему мы не взяли Москву». Главной причиной немецких неудач он назвал подкрепления, прибывшие к защитникам Москвы из Сибири. Свою роль в провале захвата Москвы, по его мнению, сыграли грязь, мороз, бездорожье и заговор армейских генералов. Столкнувшись с проблемами передвижения техники по дорогам СССР, Скорцени предложил установить широкие гусеницы на армейские грузовики, однако его предложение так и осталось в штабном столе. В одном из боев под Можайском Скорцени получил контузию от артиллерийского огня. Позже он был эвакуирован в Смоленск, а затем госпитализирован с коликами в печени в госпиталь СС в Карловых Варах. Со слов Скорцени при выписке из госпиталя он был признан годным только для гарнизонной службы (соответствующей записи в его учетной карточке нет).

2 февраля 1942 года Скорцени был определен в запасной автомобильный дивизион в Берлине-Лихтерфельде для прохождения курса технического офицера-специалиста автомобильной службы. В личном деле Скорцени значится, что он получил три категории (I, II, III) общенемецких автоводительских прав и, кроме того, две категории водительских прав СС (I, II). 23 апреля 1942 года Скорцени потерял своего отца. Он был похоронен на венском кладбище Деблинхоф.

Находясь на курсах, 2 сентября 1942 года он был награжден медалью «За зимовку на Востоке» – общей наградой для ветеранов зимы 1941–1942 гг. на Восточном фронте. В сентябре оберштурмфюрера СС перевели в V дивизион танкового полка дивизии СС «Тотенкопф». Пребывание Скорцени на фронте в этот раз было совсем недолгим – Скорцени опять расхворался. 11 февраля 1943 года больной Скорцени был переведен в автомобильный учебно-запасной дивизион СС в Веймаре-Бухенвальде, в котором прибывал до апреля 1943 года. Частые болезни Скорцени дали повод злым языкам обвинять его в нежелании находиться на фронте. Не имея на руках истории болезни Скорцени, сложно отрицать или утверждать это, укажем лишь, что обострение болезни происходило в зимние месяцы на Восточном фронте, после первой русской зимы 1941–1942 гг. В личном деле отражен еще один довольно занятный момент – 16 июля 1942 года в отношении него было прекращено судебное расследование СС о самовольном оставлении воинской части, но вот когда и при каких обстоятельствах он совершил этот проступок, не говорится.

В начале 1943 года, после разгрома 6-й немецкой армии в Сталинграде, Скорцени вновь оказался в малоприятном положении. 4 февраля 1943 года в Германии был объявлен трехдневный траур по войскам, потерянным в городе на Волге. Пока вся страна скорбела по своим солдатам, Скорцени напился в одном из баров и был задержан патрулем в состоянии сильного алкогольного опьянения. За свое безобразное поведение Скорцени был помещен под арест на 8 дней. Казалось бы, после таких «славных дел» в карьере можно было ставить жирную точку, но судьба распорядилась по-другому.

К.К. Семенов

Рождение диверсантов

Вот уже больше года, как я был не у дел. Ослабевший после дизентерии, подхваченной в последнюю русскую кампанию, я смирился с приговором врачей, признавших меня негодным, во всяком случае сейчас, к службе в боевых частях. В должности военного инженера я прозябал в тыловой части под Берлином. Когда осенью 1942 года я узнал, что дивизии СС будут превращены в танковые, то направил рапорт с просьбой разрешить мне пройти курсы танковых офицеров. Затем мне удалось получить назначение в 3-ю танковую дивизию СС. Вскоре, однако, новый приступ дизентерии показал, что мое состояние не позволяет выдерживать чрезмерные нагрузки. После нескольких недель, проведенных в госпитале, я был снова отправлен в свою берлинскую часть. К счастью, ненадолго.

В начале апреля 1943 года я был вызван в Главный штаб войск СС. Там один из высокопоставленных офицеров сообщил мне, что требуется офицер с хорошим техническим образованием для организации «специальной части». Чтобы уточнить задачу, которую собирались поставить перед этим подразделением, мой собеседник коротко обрисовал схему различных спецслужб, собранных под крылом абвера (секретная служба вермахта). Так я первый раз прикоснулся к совершенно секретной области, о которой знали только посвященные. Надо сказать, что я имел о ней самое поверхностное представление. Чтобы вам стал понятен круг проблем, которыми я должен был отныне заниматься, расскажу об общей структуре этой организации.

Абвер подчиняется непосредственно Верховному командованию армии. Он состоит из трех служб. Первый отдел занимается собственно военной разведкой. Второй отдел активно действует только в военное время. Он занимается подготовкой и проведением диверсионных и террористических актов в тылу противника, а также осуществляет мероприятия по деморализации войск врага посредством соответствующей пропаганды. Третий отдел ведет контрразведку, то есть организует борьбу против шпионов и диверсантов противника в собственных тылах.

(Я допускаю, что слова «шпионаж», «террористический акт» и «диверсия» кажутся пугающими и отвратительными многим обывателям, поэтому должен напомнить, что подобные службы, хотя бы и замаскированные под разными благозвучными названиями, существуют во всех странах. В настоящее время все великие державы вынуждены содержать свою «Интеллиженс сервис» или, как это скромно называют французы, «Второе бюро».) В начале войны Верховное командование создало в подчинении руководителей секретных служб ударный батальон «Бранденбург». Мало-помалу этот батальон вырос и превратился к январю 1943 года в штурмовую дивизию «Бранденбург». На это соединение были возложены задачи по проведению некоторых секретных операций, в том числе разрабатывавшихся службами безопасности. Вокруг этих операций висела такая плотная завеса секретности, что большинство населения не знало даже о существовании этой дивизии. Но вот уже почти год, как Главное командование войск СС решило создать вторую подобную часть; она получила кодовое название «Специальный учебный лагерь Ораниенбург». И руководство СС искало офицера, обладающего знаниями по всем военным специальностям, а также разбирающегося в технике, чтобы поручить ему возглавить это подразделение и ускорить его подготовку.

Этот пост и был мне предложен моим собеседником. Я сразу же представил себе все последствия этого назначения. Приняв неожиданное предложение, я решительно покончу с обычной военной жизнью, чтобы занять особое место, которое предназначено не для всех. Мне пришел на память девиз Ницше: «Жить надо в опасности!» «Может быть, в этом качестве я смогу послужить моей родине наиболее эффективным образом в момент, когда Германия вступила в тяжелый и жестокий период своей истории», – подумал я. Это последнее соображение в конце концов, вероятно, и повлияло на мое решение. Я принял предложение, оставив

за собой право на отставку, если моих возможностей и способностей окажется недостаточно для такой деликатной миссии.

20 апреля 1943 года я получил новое назначение вместе со званием капитана запаса. Перед тем как приступить к своим обязанностям, я был представлен шефу отдела политической разведки службы безопасности генералу СС Вальтеру Шелленбергу. Это был еще достаточно молодой человек, весьма элегантный, казавшийся очень любезным. По правде говоря, я не очень много понял из его объяснений. В конце концов, я только что переступил порог области деятельности, с которой до этого был совсем незнаком. Я понял только, что подразделение, которым мне предстояло командовать, должно было быть готовым совершать рейды по тылам противника и что первая группа уже готова к отправке. Вот о чем шла речь.

Нефтедобывающие районы Южного Ирана были оккупированы почти с самого начала войны английскими войсками; в то же время север страны находился «под защитой» нескольких русских дивизий. С другой стороны, союзники максимально использовали иранские железные дороги для перевозки в Россию все возрастающего количества военного снаряжения. Особенно это относилось к США, которые с момента вступления в войну, 11 декабря 1941 года, своими массированными поставками значительно укрепили способность Советского Союза к сопротивлению. Это в общих чертах было уже мне знакомо, но только теперь я понял, в каких гигантских объемах выражалась эта помощь. Я стал отдавать себе отчет в чрезвычайной важности помощи союзников для России. Тогда передо мной ставилась задача перерезать или по крайней мере постоянно угрожать этим путям сообщения, атакуя их прямо в центре страны. Шелленберг надеялся достичь этой цели, оказав поддержку мятежным горным племенам, которые отказывались подчиняться центральным иранским властям. Небольшие, специально подготовленные группы немецких солдат должны были снабжать оружием восставшие племена кашгайцев и других мятежников и работать с ними в качестве инструкторов. На месте они будут принимать по радио приказы, указывающие, по мере развития событий и в зависимости от необходимости и возможностей, цели для атак.

Уже несколько месяцев два десятка человек из «Специального лагеря» – это временное наименование моего будущего подразделения – изучали под руководством иранского инструктора персидский язык. Кроме того, каждой группе будет придан иранец, который станет сопровождать солдат, когда они отправятся на операцию. Первая команда была в целом готова, и оставалось только получить сигнал от немецкого агента, находившегося, естественно, нелегально, в Тегеране.

Для маскировки этого предприятия секретные службы дали ей название «Операция “Француз”». Место приземления парашютистов – берег соленого озера юго-восточнее Тегерана. Группа в составе двух офицеров, трех унтер-офицеров и одного иранца ждала приказа на вылет. После бесконечных переговоров с люфтваффе 200-я истребительная эскадрилья согласилась предоставить в наше распоряжение один «Юнкерс-290», единственный немецкий самолет, обладавший необходимым радиусом действия. Пришлось до килограмма рассчитывать вес снаряжения, чтобы самолету хватило топлива на полет туда и обратно. Только тот, кто участвовал в подобных предприятиях, знает, сколько раз надо взвесить, изменить, снова просмотреть каждую деталь, каждую позицию из списка снаряжения. С какой тщательностью надо отбирать каждый предмет: оружие, одежду, боеприпасы и продовольствие, взрывчатку и плюс ко всему подарки вождям мятежных племен. Что касается последних, я всегда с ужасом вспоминаю, как лихорадочно искали мы охотничьи ружья с серебряной инкрустацией и пистолеты с золотыми орнаментами на рукоятках!

Местом старта был выбран аэродром в Крыму. К несчастью, взлетная полоса была так коротка, что потребовалось еще облегчить самолет, естественно за счет снаряжения. Затем несколько дней ждали благоприятной погоды, с безлунной ночью, чтобы без проблем пролететь над русской территорией. Когда наконец наступил момент отправки, снова оказалось, что

самолет слишком перегружен, поскольку к тому времени ливневые дожди размывили и привели в негодность взлетное поле. В который раз мы вынуждены были отказываться от части снаряжения. Но было принято решение позднее послать дополнительный самолет, который сбросит на парашютах все, что не смог взять первый.

Наконец все готово. На этот раз взлет состоялся. Через четырнадцать часов тревожного ожидания мы получили первое сообщение, что наши люди благополучно приземлились, живые и здоровые, на иранской территории.

Наступило лето 1943 года. Положение на различных театрах военных действий было не блестящим. Это я мог почувствовать, даже не читая сводок, ибо на каждом этапе организационной работы я наталкивался на упорное сопротивление чиновников. Ни одна из служб, к которым я обращался, не спешила предоставлять в мое распоряжение людей или необходимое оборудование и снаряжение. Все приходилось буквально выдавливать по капле.

Вначале группа, заброшенная в Иран, добилась кое-каких результатов, по правде сказать, достаточно скромных. Им удалось установить связь с отрядом мятежников и выполнить несколько мелких диверсий в пределах своих возможностей, которые, правда, были не очень значительны, поскольку нам не удалось отправить им обещанное подкрепление. У нас не было достаточного количества самолетов «Юнкерс-290» – это единственный немецкий самолет, способный выполнить такой полет без промежуточной посадки.

Между тем «Специальный лагерь Ораниенбург» сформировал вторую группу в составе шести солдат и одного офицера. В последний момент их отлет задержался из-за аварии самолета при разбеге. Аварии, ниспосланной провидением, как мы узнали на следующий день. Один из наших агентов в Тегеране неожиданно появился в Турции после скоропалительного бегства. Из Константинополя он сообщил – и вовремя, – что наша разведывательная сеть в Тегеране разгромлена, все агенты арестованы. Ему одному удалось спастись.

В этих условиях было бы безумием посылать вторую группу, которая попала бы в полную изоляцию, без всякой связи с Тегераном или с первой группой. Поэтому нам пришлось отказаться от продолжения операции «Француз». К тому же через некоторое время мятежные племена прекратили вооруженную борьбу и сложили оружие, предоставив нашим солдатам выбор: остаться с ними или уйти. Но для наших людей, не владеющих местным языком в совершенстве, добраться до границы с ближайшим нейтральным государством – Турцией – было безнадежным делом. Вскоре предводители мятежников были вынуждены выдать немцев английским войскам. Перед угрозой плена один из офицеров покончил жизнь самоубийством, другой, вместе с тремя унтер-офицерами, был интернирован в лагере на Ближнем Востоке. Эти четверо вернулись в Германию только в 1948 году.

* * *

В конечном счете операция «Француз» закончилась провалом. Но я должен сказать, что в то время другие задачи казались мне более интересными. Однажды техническая служба VI отдела предоставила мне для ознакомления планы, касавшиеся промышленного развития СССР. Так как нельзя было найти никаких сведений об этом ни в прессе, ни даже в работах по географии или политической экономии, этот ворох статистических выкладок, карт, планов и т. п. меня особенно заинтересовал. Сотрудники VI отдела выработали и план – под кодовым названием операция «Ульм» – диверсий, который предусматривал нападение на некоторые оборонные заводы и их полное или частичное уничтожение. Я сразу же понял, что есть возможность значительно ослабить промышленный потенциал врага, и эта цель может быть достигнута силами всего одного хорошо подготовленного и умело действующего подразделения коммандос. Но в то время у нас такого еще не было. Организационный этап в создании

моего подразделения был еще далек от завершения, и я признавал, что мне самому надо еще многое узнать.

Я учусь

Перед тем как принять на себя командование новым подразделением отдела политической разведки, я погрузился с головой в довольно специфическую работу: стал изучать все сообщения и доклады, касающиеся деятельности британских командос. Еще в России я увидел, что можно извлечь полезные уроки, критически осмысливая действия противника. Почему нельзя воспользоваться этим методом и в моем нынешнем положении? Признаюсь, я был буквально поражен, изучая операции британских «специальных подразделений», находившихся под командованием лорда Маунтбеттена. Доклады об их дерзких вылазках открыли мне совершенно новые перспективы в нашей деятельности. Было совершенно очевидно, что пресловутая «Интеллидженс сервис», всегда окруженная завесой таинственности, с самого начала войны значительно активизировала свои действия.

С другой стороны, я внимательно прочитал рапорты об операциях нашей дивизии «Бранденбург». Мне сразу бросилось в глаза, что это соединение имело в своем распоряжении средства гораздо более скромные, чем у противника, но это обстоятельство не мешало, однако, часто достигать замечательных результатов.

Последующий анализ того, что я смог узнать, корпя как каторжник, – по крайней мере в течение двух недель я прочитал, перечитывая и делая выписки, горы документов, – дал мне уверенность, что командование подразделением командос предоставит мне великолепную и неожиданную возможность внести мощный вклад в победу Германии. Наши противники не больше нас могли защитить все огромное пространство своих тылов. Нашей задачей было определить среди жизненно важных центров врага те, которые немногочисленные, но хорошо подготовленные и решительно действующие специальные разведывательно-диверсионные подразделения могли подвергнуть нападению с разумным и немалым шансом на успех. Тогда, при соответствующей тщательной подготовке каждой операции и при наличии необходимых средств, мы могли бы достичь важных результатов. С другой стороны, эта задача мне казалась тем более увлекательной, что до сего дня военные усилия Германии почти не обращались к этому направлению.

Именно в те дни я окончательно решил принять на себя руководство подразделением командос, существующим или вновь создаваемым. До меня «Специальным лагерем» командовал голландский капитан, член СС. Командирами отделений единственной роты были солдаты, прекрасно знавшие свое дело, приобретающие свой боевой опыт в течение нескольких лет войны, – это были люди, на которых я мог положиться. У меня была базовая команда, вполне достаточная для начала работы. Напротив, что касается учебного курса и тренировочных занятий, мне не хватало опытных инструкторов. На помощь пришел случай. Во время одного из визитов в штаб-квартиру отдела политической разведки я встретил там своего старого товарища, руководившего одним из подразделений СС, Карла Радля, который сразу же принял мое предложение помочь в формировании новой части. Он также представил мне двух офицеров, только что прибывших в распоряжение VI отдела, от которых я легко добился согласия перейти ко мне.

Затем я энергично принялся за работу. Я получил приказ развернуть «Специальный лагерь» численностью до батальона. Кроме того, главное командование войск СС поручило мне организовать новый ударный отряд, батальон «Фриденталь». Благодаря хорошим отношениям с офицерами многих армейских частей мне удалось быстро собрать под своим командованием достаточное количество офицеров, унтер-офицеров и солдат, чтобы сформировать второе подразделение. С другой стороны, мы нашли идеальное место для расположения нового подразделения. В местечке Фриденталь, недалеко от Ораниенбурга, среди гигантского, постепенно возвращавшегося в дикое состояние парка тихо дремал небольшой замок времен Фридриха

Великого. Просторные поля в его окрестностях также прекрасно отвечали нашим потребностям. Я сразу же приступил к организации тренировочных полигонов и постройке казарм, складских помещений и других необходимых построек. Претворение в жизнь разработанных планов – замечательное занятие. Напротив, бесконечные демарши, которые приходилось предпринимать, чтобы буквально вырывать в различных конторах и службах средства для осуществления этих планов, почти сводили на нет всю работу. Вынужденный драться с пресвятой Администрацией и ее апостолами, этими канцелярскими крысами, я приобрел даже некоторый опыт в этой невидимой миру войне. В конце концов я стал даже находить в этих лабиринтах выходы. Но, должен признаться. Карл Радль намного превзошел меня в этом искусстве, став настоящим асом в этом трудном, неблагоприятном деле.

И вот утверждена программа обучения и тренировок. Сделано большое дело. Я приступил к подготовке личного состава нового подразделения, настолько полной, насколько было возможно. Нашей целью было настроиться на выполнение любого задания в любой точке земли. Каждый солдат проходил сначала обычную подготовку солдата пехоты, затем он должен был освоить, более или менее подробно, навыки гранатометчика, артиллериста полевого орудия, танкиста. Естественно, все должны были уметь водить не только мотоцикл или автомобиль, но также катер и даже паровоз. Плюс к этому я зарезервировал много времени для занятий спортом, в частности плаванием. Кроме того, мы организовали краткосрочные курсы парашютистов.

Одновременно в специализированных классах проходили подготовку люди, отобранные для особых операций. Они изучали иностранные языки и в общих чертах – тактику нападения на промышленные объекты противника. В то время я считал нашей главной задачей борьбу против Советского Союза, с одной стороны, и против англо-американского присутствия на Ближнем Востоке, – с другой. К сожалению, я не отдавал себе достаточного отчета в том, что шел уже 1943 год, то есть уже четвертый год войны. Возможно, я инстинктивно гнал от себя эту мысль, стараясь сконцентрироваться только на достижении ближайших результатов, которых еще можно было достигнуть, постоянно говоря себе, что выражение «слишком поздно» не должно фигурировать в словаре солдата. Никогда не поздно осуществить важную операцию. Чем меньше времени нам отпущено, тем быстрее мы должны готовиться... Вот и все.

Наши английские «друзья»

Перед самым моим назначением служба политической разведки уже начала организовывать в Голландии разведкурсы. Эта несколько необычная школа располагалась в имении одного голландского аристократа. Там готовились в основном радисты и диверсанты. Однажды, оставив мою работу в Фридентале, я отправился туда. С первого взгляда я понял, что они работают более масштабно, чем мог позволить себе я в Германии. Учебным центром руководил полковник секретных служб. Неудобство для меня состояло в том, что, хотя он не служил в регулярной армии, звание у него было гораздо выше моего. К счастью, он сразу же сам предложил перейти под мое командование.

Почти все, что я узнал в эту поездку о деятельности наших контрразведывательных служб, было для меня новым. С другой стороны, я смог воочию представить себе ту активность, с которой союзники, особенно англичане, действовали в этом направлении. Каждую ночь скоростные самолеты пролетали над оккупированной нашими войсками территорией Франции, Голландии, Бельгии, сбрасывая парашютистов, шпионов и диверсантов, а также оружие, радиостанции, взрывчатку и снаряжение для уже действующих агентов.

По оценкам наших спецслужб, почти пятьдесят процентов вражеских агентов попадали в плен через несколько дней или даже часов после приземления. Кроме того, 75 процентов снаряжения, сброшенного на парашютах, регулярно оказывалось в наших руках. Я попросил и получил разрешение собирать эти трофеи, и теперь наши враги любезно приняли на себя заботу о снабжении моего подразделения необходимыми материальными ресурсами. Этот не очень дорогостоящий метод я рекомендую взять на вооружение всем будущим командирам отрядов коммандос.

Я ознакомился и со многими рапортами, сделанными на основании результатов допросов арестованных английских агентов. Изучив их ответы, я смог уяснить огромную пропасть нашего отставания в этой области, которую нам предстояло преодолеть. Меня особенно интересовали методы формирования и подготовки специальных подразделений, применявшиеся нашим противником из-за Ла-Манша. По моей просьбе при допросах на этом было сконцентрировано внимание, и вскоре я обладал ценной, достаточно подробной информацией.

Так мы узнали, что большинство разведывательно-диверсионных школ английских секретных служб находятся в Шотландии, в запретной, тщательно охраняемой зоне, где они были искусно разбросаны по изолированным усадьбам. Многие арестованные агенты добровольно рисовали нам детальные планы этих мест и подъездных путей к ним. С другой стороны, мы теперь знали британские программы обучения и подготовки и имели представление, в каком направлении нам работать.

Там же, в Голландии, я познакомился с несколькими так называемыми двойными агентами. Некоторые наши пленники – люди, для которых деятельность секретного агента была только возможностью заработать на кусок хлеба, – легко позволяли убедить себя «сменить форму» и работать в качестве секретного агента против своих бывших хозяев. Этот факт – гораздо более распространенный, чем об этом думают, – убедил меня в том, что действительно важные и опасные задания необходимо поручать только добровольцам. Совершенно очевидно, что искренний энтузиазм и готовность рисковать жизнью за правое дело, за честь родины находятся среди основных слагаемых элементов успеха, который при отсутствии этих двух побудительных причин становится проблематичным. От наемника, подсчитавшего стоимость своей шкуры, нельзя ждать нерушимой преданности. Редкие исключения, которые я знаю, скорее подтверждают это правило, чем опровергают его.

Во время этой поездки я также узнал, что голландское отделение нашей секретной службы установило с нашими английскими «коллегами» замечательные отношения по радио

и вело настоящую «радиоигру». Нашим службам удалось овладеть дюжиной радиопередатчиков, сброшенных на парашютах, и, что особенно ценно, шифрами, позволяющими читать и кодировать сообщения. С помощью агентов, для которых эти передатчики и шифры были предназначены, мы установили регулярный диалог с Англией. По полученным таким образом сведениям была уже обнаружена целая подпольная сеть Сопротивления, состоявшая из нескольких сотен голландцев. В настоящее время эта организация не проявляла никакой активности, поэтому было решено отложить аресты в надежде, продолжая нашу игру, достичь более существенных результатов.

* * *

Помимо прочих сведений пленные агенты сообщили нам, что в английских спецшколах используются для тренировок в стрельбе бесшумные револьверы. В Германии до сих пор не производился этот вид оружия, и нам не удавалось получить его образец в «посылках», попадавших в наши руки. Мне в голову пришла дерзкая мысль: а если воспользоваться нашей «радиоигрой» и просто попросить прислать один такой револьвер? Наше голландское отделение сразу же изъявило готовность передать этот «заказ».

Через две недели, когда я снова приехал в Гаагу, мне действительно передали образец этого оружия, револьвер калибра 7.65, несколько примитивной конструкции, что, возможно, делает его более надежным и менее подверженным капризам механизмом. Если бы он был только более совершенным! (Получилось, что после получения радиограммы, посланной от имени агента по кличке Клад, англичане прислали револьвер (естественно, на самолете), а нашим службам удалось перехватить груз, в котором он находился.) Я немедленно провел испытание, выстрелив прямо в раскрытое окно нашей голландской конторы по стае уток, прогуливавшихся вдоль канала. Я мог засвидетельствовать, что выстрела почти не было слышно, — на улице никто из прохожих даже не повернул голову.

Среди снаряжения, которое английские самолеты регулярно сбрасывали на территорию Франции, Бельгии и Голландии для своих агентов и отрядов Сопротивления, были и пистолеты-пулеметы «стэн». Едва увидев это оружие, я был буквально поражен простотой его конструкции, позволявшей — и это было совершенно очевидно — быстрое его изготовление и надежную работу. По нашим сведениям, у англичан имелся «глушитель» и к этому автомату, но они еще держали его в строгом секрете. Обстоятельство, которое, конечно, только подстегнуло меня, и я решил попробовать добыть в свое распоряжение это таинственное оружие. Но как это сделать? На этот раз наша милая система «заказов по радио» не сработала. Или англичане что-то заподозрили, или они решили придержать секретное оружие в резерве.

По случаю я узнал, что один голландский капитан должен вот-вот отправиться в Англию с другой секретной миссией. Он должен был на небольшой яхте достичь сначала Швеции, а затем направиться в один из шотландских портов, где ему предстояло принять почту для английских агентов, работавших в Голландии. По моей просьбе ему поручили дополнительно, если будет возможность, попытаться получить от английских военных и один глушитель для автомата «стэн».

Благодаря этой уловке я, к своей радости, в конце июля 1943 года уже держал в руках образец этого устройства, первого из попавших в Германию. Перед моим мысленным взором пронеслись сцены бесшумного боя, в котором можно было использовать это оружие. Группа в тылу врага, вооруженная автоматами с глушителями, могла избежать потерь при непредвиденной встрече с патрулем противника, она не рисковала — при стрельбе — привлечь внимание других вражеских подразделений, которые могли прийти на помощь. Я был убежден, что любой солдат диверсионного отряда или просто армейской разведгруппы должен иметь подобное оружие.

Но руководство лаборатории вооружений в Берлине было другого мнения. Вернувшись во Фриденталь, я показал этот глушитель нескольким высокопоставленным офицерам; чтобы придать демонстрации особо яркий характер, я разыграл маленький спектакль. Пока мы прогуливались по парку – был уже поздний вечер, – солдат, который шел за нами в отдалении, выпустил несколько очередей в воздух, опустошив целый магазин. Надо было видеть удивление ошеломленных офицеров, когда я показал им гильзы, усеявшие землю. Они выдвинули, однако, множество возражений. Убойная сила им, видите ли, показалась недостаточной и точность стрельбы вроде бы уменьшалась при применении глушителя.

Тогда я предложил им скопировать сам пистолет-пулемет «стэн» – оружие очень простое и в то же время очень надежное – и поставить его на вооружение немецкой армии. Этот автомат можно было вываливать в грязи, топтать его ногами и затем снова использовать, немецкий же аналог не мог вынести подобного обращения. Кроме того, производство «стэна» требовало только части времени и материалов, необходимых для изготовления немецкого автомата.

Тогда наши дорогие бюрократы нашли другие причины, чтобы отклонить мое предложение. На этот раз они использовали авторитет самого Адольфа Гитлера: фюрер когда-то сказал, что у немецкого солдата должно быть лучшее оружие из существующих в мире. Действительно, точность стрельбы «стэна» была несколько хуже, чем у немецкого автомата. Эти господа забыли только, что автомат или пистолет-пулемет являются оружием ближнего боя и никакой солдат не использует его для поражения дальней цели.

Встреча с Канарисом

Однажды ко мне обратился лейтенант штурмовой дивизии «Бранденбург» Адриан фон Фолкерсам. Этот потомок старинного балтийского рода был прекрасным солдатом и уже в 1941 году доказал это, получив Железный крест за дерзкий прорыв на Восточном фронте. Мой гость рассказал о недовольстве, которое царит среди ветеранов «Бранденбурга». Уже давно, объяснил он мне, дивизия не выполняла никаких специальных задач. Напротив, она все чаще становилась пожарной командой и была вынуждена вести бои там, где могло справиться любое другое армейское соединение. Понесенные во время этих боев потери были очень высокими и, что особенно важно, практически невозполнимыми – ведь дивизия была сформирована почти только из людей, владеющих иностранными языками и готовых добровольно пойти на любую «специальную» операцию. После такого вступления он перешел к основной цели своего визита: сам он, как и другие офицеры его батальона, случайно услышал о новом подразделении, к формированию которого я приступил, и они были бы счастливы вступить в него. Они хотели узнать, не помогу ли я им в этом. Фон Фолкерсам с первого взгляда произвел на меня приятное впечатление, и я пообещал ему использовать для этой цели все мои возможности.

Это обещание вскоре привело меня к моей первой, и единственной, встрече с адмиралом Канарисом, шефом абвера. Я случайно узнал, что д-р Кальтенбруннер, в то время шеф службы безопасности и мой непосредственный начальник, и руководитель политической разведки Шелленберг собирались встретиться с Канарисом для обсуждения более тесной координации действий абвера и секретных служб СС. Я попросил разрешения присутствовать на этой встрече и заручился их поддержкой в моей попытке вырвать у адмирала разрешение на переход одиннадцати офицеров «Бранденбурга» в мое подразделение.

Нас проводили в скупое освещенный кабинет, где мы расположились в глубоких креслах. Любопытный факт: несмотря на свою прекрасную память на лица, я сейчас не могу точно вспомнить лицо адмирала Канариса. Я помню только человека среднего роста, массивного, с лысым черепом, одетого в морскую форму. От его лица в памяти остались лишь бесцветные глаза, бесстрастный взгляд которых непрерывно перебегал с одного собеседника на другого или же застывал, иногда на несколько минут, на какой-то воображаемой точке на стене.

Но мне никогда не забыть адмирала Канариса как моего противника, если не сказать – врага. Вот человек, который в совершенстве овладел искусством оставаться неуязвимым. Его можно было сравнить с медузой; палец легко погружается в желеобразную массу, но потом ее форма полностью восстанавливается, как будто ничего не случилось. С замечательной ловкостью Канарис пытался нам помешать, разнообразными искусственными препятствиями стараясь свести на нет наши планы, которые ему не нравились.

Однако, когда надо было, я тоже умел быть упрямым. На этом пункте нашего визита дело застопорилось. Целых три часа мы пытались различными ухищрениями добиться его согласия на перевод одиннадцати его офицеров к нам. Постоянно Канарис находил, я бы даже сказал сильнее – изобретал все новые причины для отказа. Как только мы находили аргументы против одних его возражений, он тут же выдвигал другие.

Наконец он все же разрешил переход одиннадцати офицеров дивизии «Бранденбург» в мое подразделение. Я облегченно вздохнул и покинул кабинет, стараясь не очень выказывать мой триумф и не чувствовать себя победителем после ожесточенного боя. Но в момент, когда его начальник штаба уже готов был подписать необходимые бумаги, адмирал, к нашему удивлению, нашел дополнительные возражения и в конце концов перенес свое решение на «потом», то есть на совершенно неопределенное время, а может быть, на «никогда». Перед этим последним проявлением его злой воли я предпочел временно отступить; с меня было достаточно.

И только через несколько месяцев, в ноябре 1943 года, мне удалось окольными путями достичь успеха в этом деле.

Рождение грандиозного плана и его похороны

В то время я также установил отношения с «Организацией Курфюрста» – под этим кодовым названием скрывалась разведслужба люфтваффе. Очень быстро я понял, что они работают почти образцово и очень эффективно. Наш первый же контакт дал толчок рождению все более тесного и плодотворного сотрудничества. Архивные службы этой организации обладали ошеломляющим количеством сведений, практически по всем странам, которые могли нас интересовать. В частности, у них имелись аэрофотоснимки обширных пространств на восток до Волги, на юго-восток до Аральского моря, на юг до Месопотамии и Суэцкого канала. К сожалению, все эти фотографии относились к 1940–1941 годам, то есть были еще тех времен, когда люфтваффе господствовала в воздухе на всех фронтах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.